

КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Стебунова К.К.

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия (308015, Белгород, ул. Победы, 85), e-mail: stebunova@bsu.edu.ru

Настоящая статья посвящена изучению (на материале текстов Н.В. Гоголя) важнейшей для теоретической лингвопоэтики проблемы: закономерностей функционирования единиц косвенно-производной номинации в дискурсивном пространстве оригинальных русскоязычных текстов и их переводов на близкородственный (украинский) и неблизкородственный (английский) языки. Дискурсивное сознание, стимулируя косвенно-производную номинацию, оперирует особыми концептами, которые мы называем дискурсивно-модусными. В содержании такого рода концептов доминирует модусная (эмотивно-оценочная) семантика, поэтому они нуждаются в косвенно-производной вербализации. Анализ фразеологических единиц, полученных методом сплошной выборки из автохтонного и переводящих текстов, позволяет заявить, что ведущим механизмом передачи дискурсивных особенностей текста является следование переводчика за дискурсивно-модусными концептами, стоящими за 1) фразео-семантическими группами; 2) ключевыми художественными образами.

Ключевые слова: косвенно-производная номинация, дискурсивно-модусный концепт, дискурс, художественная картина мира.

INDIRECT DERIVED NOMINATION AS OBJECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION THEORY

Stebunova K.K.

Belgorod state national research university, Belgorod, e-mail: stebunova@bsu.edu.ru

The article explores one of the most important theoretical problems of linguopoetics which includes principles of functioning of indirect derived nomination units in the discursive space of the original texts of N.V. Gogol in Russian and their translations into the closely related (Ukrainian) and non-closely related (English) languages. Discursive consciousness, which stimulates the emerging of the indirect derived nomination, operates special domains, which we call discursive modus domains. There is modal (emotive-evaluative) semantics in the content of this kind of domains, so they need to be verbalized by means of indirect derived units. Analysis of phraseological units, obtained by continuous sampling of autochthonous and transforming texts, allows to state that the leading mechanism of transmitting the discursive features of the text is to follow the interpreter discursive modus domains which are found behind 1) the phraseo-semantic groups; 2) the key literary images.

Keywords: indirect derived nomination, discursive modus domain, discourse, literary worldview.

Художественный текст как продукт межкультурной коммуникации (формой которой выступает перевод) обусловлен духовной культурой народа дважды: как явление той или иной лингвокультуры (все формы проявленного в языке ценностно-смыслового пространства этноса) и как продукт лингвокреативной деятельности всех участников межъязыкового общения. Более того, художественный текст, став достоянием широкой аудитории, сам участвует в формировании ценностно-смыслового пространства культуры, влияет на сознание многих людей, пополняя его новыми «ценностно-оценочными квантами знания» о мире. К основным конструктивным единицам лингвокультуры относятся, прежде всего, знаки

косвенно-производной номинации, образующие сложную многоуровневую и динамичную систему, ядро которой образует широкий пласт фразеологических единиц, обладающих (в силу своих ассоциативно-образных значений) способностью быть широкозначными. Основной когнитивно-дискурсивной единицей, «квантом получаемых в речемышлении знаний, требующих косвенно-производной вербализации, является особого рода когнитивная структура – дискурсивно-модусный концепт, когнитивный субстрат дискурсивно обусловленного и аксиологически значимого фразеомупотребления.

Цель исследования

Основной целью данного исследования является определение принципиальных свойств фразем как единиц косвенно-производной номинации и выявление механизмов репрезентации их дискурсивных смыслов в межкультурной коммуникации.

Материал и методы исследования

Материал исследования представляет собой авторскую картотеку из более, чем 1400 фразеологических контекстов, полученных методом сплошной выборки из автохтонных текстов произведений Н.В. Гоголя, и их фразеологических и нефразеологических соответствий в текстах его переводов на украинский и английский языки. Под автохтонным текстом в данной работе мы понимаем авторский, исходный, оригинальный текст, в отличие от его переводов на близкородственные и неблизкородственные языки. Поскольку объект анализа является нелинейный, в работе использована комплексная система методов: метод концептуального моделирования («исследовательский путь от семантики языкового знака к содержанию соответствующего концепта» [2: 183], компонентный анализ ФЕ для выявления семантических соответствий между автохтонными ФЕ и их эквивалентами, анализ фразеомобразующего дискурса, позволяющий проследить признаки и ситуации, схваченные дискурсивным сознанием, метод текстовых ассоциаций, раскрывающий функции и роль ФЕ в текстообразовании в условиях межкультурной коммуникации, а также авторская методика интерпретации дискурсивных смыслов фраземы через объективирование ею ассоциативно-образной доминанты фразеомобразующего (дискурсивно-модусного) концепта. Разрабатываемая нами методика направлена на определение степени конвертируемости ФЕ в разноязычных дискурсах в рамках одного художественного текста.

Результаты исследования

Дискурсивная деятельность по вторичному осмыслению действительности характерна как для речемыслительных процессов (поскольку отражение знаний о мире опосредовано речемышлением), так и для процессов вторичного семиозиса (использования известных

номинативных средств языка для называния по аналогии или ассоциации неизвестных фактов или явлений). Единицы косвенно-производной номинации отличаются рядом особенностей, среди которых двойная денотация, асимметричность в сторону расширения интенционала знака, большой коммуникативно-прагматический потенциал, принцип двойного антропоцентризма, фреймовая структура представляемых при помощи ФЕ знаний.

Фразеологизмы как наиболее репрезентативные для текстопорождающего сознания оценочно-прагматические единицы косвенно-производной номинации, будучи единицами вторичного образования, формируются на пересечении нескольких речемыслительных факторов когнитивного и лингвокреативного характера. Основным когнитивным стимулом фразеомупотребления служит: (а) потребность в выражении фразеомобразующего концепта, (б) переживание коммуникативного события и (в) языковое сознание участников коммуникативного акта, а лингвокреативными средствами вербализации концепта – (г) хранящихся в сознании коммуникантов нестандартные сочетания знаков первичной номинации. Примером тому может служить диалогический дискурс:

Хлестаков. *Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?* Городничий (в сторону). *Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают!* (Вслух.) *Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах* [4: 437] // Хлестаков. *Скажіть, прошу вас: чи нема у вас якихось розваг, товариств, де б можна було, приміром, пограти в карти?* Городничий (набік). *Еге, знаємо, голубчику, у чий город камінці кидаси!* (Голосно.) *Боже борони! Тут і чутки немає про такі товариства* [6: 269] // *Khlestakov. But tell me, don't you have any amusements in this town? Societies, you know, where you could get together for a game of cards? Mayor (aside). Oho, my fine fellow, I can see what you're sniffing at! [Aloud.] Heaven forbid! I wouldn't stand for that sort of thing in our town!* [8: 284] (в данном контексте зафиксировано не фразеомупотребление, а лексическая замена ФЕ).

Многочисленные дискурсивные ситуации, возникающие в ходе культурной жизни индивидов, непрерывно переживаются и осмысляются, требуя фиксации дискурсивным сознанием и отражения их семантики и их модусных коннотаций языком. При этом ведущей речемыслительной операцией, благодаря которой концептуализируются знания о дискурсивной ситуации, является ассоциативный выбор внутренней формы концепта, которая интегрирует смысловую доминанту будущих языковых репрезентаций. В рамках художественного текста набор возможных языковых репрезентаций представлен «ассоциативно-образным речемыслительным континуумом», где отбор речевых средств

осуществляется зачастую благодаря творческой интуиции, не выходящей, однако, за рамки социокультурного опыта автора. Для восприятия таких сложных в смысловом плане единиц, как единицы косвенно-производной номинации, дискурсивному сознанию реципиенту (читателю или переводчику) необходимо актуализировать соответствующую ассоциативно-образную сеть, сформированную его коммуникативным опытом. Это несложно сделать носителям близкородственных языков (при условии, что их объединяет широкий общий пласт культуры) и не всегда легко – носителям неблизкородственных языков (объединяющим звеном при этом обычно служат общекультурные архетипы, литературные сюжеты и т.п.). Дискурсивное сознание не только отражает **объективные знания** о действительности согласно принципам категоризации и концептуализации, характерным для данного этноязыкового сознания, но и выполняет еще одну важную функцию: знания и события дискурсивным сознанием **«переживаются»** [1: 5], подвергаются **эмотивно-модусной интерпретации**. Оно также этнокультурно маркировано и в рамках внутренней речи участвует в формировании различных дискурсивных смыслов, которые необходимо учитывать при соотнесении ФЕ, вербализующих в разных языках один и тот же концепт.

Дискурсивно-модусный концепт связан с фраземосемиозисом и фразеомупотреблением весьма неоднозначно.

1. Дискурсивно-модусный концепт объективируется в языке фраземой, в виде которой становится элементом культуры данного социума, давая модусную оценку тому или иному явлению, обозначенному единицей косвенно-производной номинации. Ср.: С самого утра ***вот хоть бы щепка была во рту*** [4: 227] // *З самого ранку нічогосінько в роті не було* [7: 206] // ***Not a morsel has passed my lips all day.***” Букв. ‘ни кусочка не прошло мимо губ’ [8: 196]. Соотносительные ФЕ выражают экспрессивную негативную оценку описываемого явления (русская ФЕ сопровождается усилительной частицей *хоть*, в одном из компонентов украинской ФЕ находим суффикс субъективной оценки, а в целом все три сопоставляемые ФЕ основаны на гиперболе, которая сама по себе является ярким экспрессивным средством).

Основная коммуникативно-прагматическая функция фраземы – не столько называть предмет или явление, сколько косвенно выражать эмотивно-оценочное отношение к ним.

2. Дискурсивно-модусный концепт, как устойчивая конфигурация мысли и чувства, является продуктом дискурсивного сознания, благодаря которому достигается взаимопонимание между участниками дискурсивной деятельности, формируется общая коммуникативная компетенция. Ср.:

Максим Телятников, сапожник: *что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного!* [4: 561] // Максим Телятников, швець: *що шилом кольне, то й чоботи, що чоботи, то й спасибі, і хоч би в рот хмільного!* [7: 90] // Maxim Telyatnikov, the cobbler: *a few jabs of his awl and there's a pair of boots for you – good solid boots, too – and never a drop of liquor!* [9: 100].

Максим Телятников, сапожник. *Хе, сапожник! пьян, как сапожник, говорит пословица* [4: 581] // Максим Телятников, швець. *Хе, швець! П'яний, як швець, каже прислів'я* [7: 119] // Maxim Telyatnikov, bootmaker. *Huh, bootmaker. "Drunk as a bootmaker", goes the saying* [9: 136].

С одной стороны, компоненты ФЕ в художественном контексте получают смысловую независимость при повторении одного из компонентов в его прямом значении, при этом наложение прямого значения лексемы *сапожник* на неделимое значение ФЕ *презр.* 'очень сильно пьян' создаёт каламбур [3: 59]. С другой стороны, возникающее противоречие между заявленным Собакевичем утверждением, переданным при помощи модифицированной фраземы *не брать в рот хмельного* (где интенсификатором признака является частица *хоть бы*) и ассоциативно возникшей у Чичикова фраземой *пьян, как сапожник* также формирует на дискурсивно-смысловом уровне ироническое отношение автора. Дальнейшее рассуждение Чичикова о крестьянине сводится к тому, что его первоначальные ассоциации на основе поговорки верны. Таким образом, возникновение анализируемой идиомы в данной дискурсивной ситуации оправдано и обыграно и добавляет красок в важную авторскую идею о судьбах русского крестьянства. Что же касается соответствий в близкородственных и неблизкородственных языках, то следует учитывать, что данная идиома этнокультурно окрашена, поскольку в английском языке соответствующий дискурсивно-модусный концепт вербализуется с учётом иной ассоциативно-образной доминанты, а в украинском (полагаем, что в силу близкородственности данных языков) такая ассоциативная доминанта одинакова, поэтому в украинском тексте анализируемой ФЕ соответствует полный эквивалент. Напротив, англоязычной языковой личности дискурсивно соответствуют такие ФЕ, как *drunk as a lord, drunk as a skunk, drunk as a fiddler, drunk as a sailor, drunk as a fish*, однако для более гармоничной передачи национально-культурной специфики автохтонного текста использована фразеологическая калька.

Таким образом, понимание и употребление фразем как особых единиц косвенного именования представляет собой обусловленную дискурсом этнокультурную реализацию коммуникативной компетенции в художественной речи.

3. В силу того, что дискурсивно-модусный концепт характеризуется этнокультурной спецификой, он в оригинальных и переводных на близкородственные и неблизкородственные языки текстах реализуется не только эквивалентными и аналоговыми ФЕ, но и разнообразными нефразеологическими средствами. Поэтому говорить о полном отсутствии такого концепта в свете исследуемой нами проблемы не представляется возможным, поскольку концептосфера автохтонного художественного текста интенционально задаёт переводчику соответствующую систему концептов.

Язык перевода не всегда позволяет передать смысловое содержание дискурсивно-модусных концептов, текстуально отобразить те ассоциативно-образные связи с элементами дискурса, в недрах которого вызвано употребление той или иной фраземы. Ср.: *Хлестаков. А что вы, любезные? Купцы. Челом бьем вашей милости!* [4: 451] // *Хлестаков. Що вам, люди добрі? Купці. Чолом б'ємо вашій милості.* [7: 291] // *Khlestakov. What can I do for you, friends? Shopkeepers. We humbly beg your noble favour!* [9: 308]. Во фреймовой структуре данной ФЕ заложен ритуальный элемент типизированной ситуации: чтобы подать просьбу, жалобу, просителю нужно коснуться лбом пола в знак крайнего уважения и почтения, совпадающий в русском и украинском фразеологическом контекстах, в отличие от английского.

Как показывает исследование, процесс собственно лингвистического анализа дискурсивно-модусной организации художественного текста носит двусторонний характер:

1) от дискурсивно-модусного концепта к его фразеологической объективации, то есть раскрытие содержания дискурсивно-модусного концепта путём наблюдения над дискурсивными контекстами, его вербализующими, и выявления той ассоциативно-вербальной сети [5], в которой находится фразеологизм оригинального и переводного текста (по принципу стимул – реакция). Ср.: – *Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутя казаки!* [4: 205] // *Є ще, батьку, порох у порохівницях. Не ослабла ще козацька сила; ще не гнутья козаки!* [6: 176] // *“There’s still plenty of powder, headman, and the Cossacks are as firm and unyielding as ever.”* [9: 189]. Реципиентами сегодняшнего дня данная ФЕ воспринимается как единица вторичной номинации, описывающая, что у кого-то достаточно сил, умения и возможностей на какое-то дело. Дискурсивным стимулом для её возникновения послужил сюжет художественного произведения, которое ассоциативно вспоминается, когда читатели, обладающие культурной и языковой компетенцией, слышат данное выражение.

2) от фразеомоцентрического контекста к дискурсивно-модусному концепту:

моделирование концепта, исходя из семантической архитектоники автохтонного художественного текста и его перевода. Так, например, при анализе количества фразеологизмов заметно, что наиболее часто фразеологическую репрезентацию получают такие концепты, как «Дух», «Душа», «Чёрт», «Разум», «Власть» и т.д.

Итак, фразеологизмы в автохтонном и переводном художественном тексте выступают (а) в качестве механизма опосредованного (вторичного) познания действительности, (б) как средство накопления и передачи уже полученных знаний. Выполнению этих функций служит присущая знакам косвенно-производной номинации особая семантическая категория – фразеологическое значение, которое не тождественно лексическому. На его своеобразие большое влияние оказывает фразеопорождающий дискурс, одновременно выступающий во фраземосемии формообразующим и смыслогенерирующим источником. Причем в процессе порождения и отбора для употребления в соответствующем контексте происходит взаимодействие элементов различных дискурсов, произведённых ранее, которые мотивируют образно-целостные значения фразеологизма и обуславливают их текстообразующий потенциал. Именно благодаря такому взаимодействию элементов различных дискурсов, значения фразем понятны каждому носителю языка, независимо от того, известны ли ему значения отдельных лексических компонентов ФЕ. Ср.: *Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударила оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать* [4: 524] // *Селіфан, хоч і нічогосінько не бачив, справував коней так прямо на село, що спинився тільки тоді, коли бричка вдарилася голоблями в паркан і коли вже зовсім нікуди було їхати* [7: 36-37] // *Quite unable to see a thing, Selifan took a route to the village so straight that he only stopped when the shaft of the carriage collided with a fence and they simply could go no further* [9: 39]. Фразеологический компонент «зга» до сих пор вызывает научные дискуссии, однако мотивировочный признак, чтобы вызвать в дискурсивном сознании эту ФЕ, говорящим не нужен, и смысл ФЕ понятен всем, владеющим русским языком. Можно сказать, что во внутренней форме данной идиомы дискурсивным сознанием зафиксирован этнокультурный компонент, поскольку мы не наблюдаем в сопоставительных контекстах ни фразеологического эквивалента, ни аналогичной когнитивной метафоры. Видимо, оборот фразеологизировался после того, как близкородственные языки обособились в русле восточнославянской языковой подгруппы, а в неблизкородственном языке подобная дискурсивная ситуация, возможно, фразеологизируется на основе других признаков.

Заключение

Знаки косвенно-производной номинации являются результатом синергетического взаимодействия соответствующей когнитивной структуры, речевого смысла и фразеологического значения. Косвенно-производное знакообразование испытывает на себя влияние множества факторов: когнитивных, дискурсивных, семантических, ценностно-смысловых. Знаки косвенно-производной номинации, употребляемые в автохтонном и переводных текстах, чтобы адекватно отображать необходимый минимум авторского «мира идей» для успешной реализации межкультурной коммуникации, должны репрезентировать один и тот же дискурсивно-модусный концепт. Достаточно часто это требование нарушается в силу того, что 1) дискурсивные ситуации, порождающие возникновение соотносимых идиом, не совпадают и закладывают в образное ядро фразем различные актуальные признаки; 2) не все ФЕ, введённые в текст автором, имеют фразеологические соответствия, из-за чего возникает ситуация, когда модусные оттенки приходится либо передавать экспрессивно окрашенной лексикой и синтаксическими конструкциями, вызывающими эффект экспрессивности, либо нейтрализовывать стилистическую и эмотивную окраску фразеоконтекста.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ на 2014 г. (код проекта № 241).

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебн. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.
3. Васильева Т. М. Перевод русских фразеологических единиц на сербохорватский язык (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»): дисс. ... канд. филол. наук. – 10. 02. 01 / Т. М. Васильева. – Л., 1984. – 197 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе / Н. В. Гоголь. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
6. Гоголь М. Вибране: у кращих укр. пер. / М. Гоголь; пер. О. Вишня, М. Рильский, П. Панч, А. Хуторян; передм. М. Жулинського. – К.: Наукова думка, 2009. – 354 с.
7. Гоголь М. Мертві душі / М. Гоголь. – К.: Школа, 2009. – 336 с.

8. Gogol N. V. Plays and Petersburg Tales / Translated and Edited by Christopher English / Introduction by Richard Peace. – Oxford University Press, 2008. – 358 p.
9. Gogol, N. V. Dead souls. A poem / Translated and Edited by Christopher English / Introduction by Robert Maguire. – Oxford University Press, 2009. – 450 p.

Рецензенты:

Алефиренко Н.Ф., д.фил.н., профессор, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород;

Озерова Е.Г., д.фил.н., доцент, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород.